

UNITED WISDOM

Бхакти: личное отношение к божественному

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-21-N05 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Бхакти: личное отношение к божественному

1. Когда убеждение становится обращением

Представим человека, который возвращается домой после трудного разговора. Он может изложить свои убеждения: мир имеет смысл, жизнь не исчерпывается успехом, человек способен любить. Но сегодня ему хочется произнести другое: «Я не знаю, как поступить; помоги мне увидеть». Между двумя высказываниями меняется положение говорящего. В первом он сообщает о предмете. Во втором обращается к тому, кто для него способен слышать. Это условная сцена, а не свидетельство того, что молитва обязательно вызывает ответ или что всякий человек должен молиться.

О чём эта статья. Бхакти обычно переводят как преданность или религиозную любовь. Мы рассмотрим, что происходит, когда отношение к божественному становится личным: как меняются смысл знания, характер действия и вопрос о себе. При этом бхакти не составляет одной философской школы с единым ответом о Боге. Здесь основными собеседниками будут «Бхагавадгита», богословское чтение Рамануджи и историческое исследование Джона Страттона Хоули.

Личное отношение начинается с различия между «это» и «ты». Можно знать подробности о человеке и ни разу не вступить с ним в разговор. Можно, напротив, доверять ему, сохраняя множество вопросов. Однако из этой знакомой ситуации не следует, что религиозное обращение устроено точно так же. Человек перед нами доступен наблюдению, может возразить, уйти или исправить наше представление о нём. Божественный адресат понимается внутри определённого учения и практики. Сравнение помогает заметить структуру отношения, но само по себе ничего не доказывает о существовании его адресата.

Важен и другой вопрос: означает ли обращение отказ от рассуждения? Если любовь понимается как запрет спрашивать, она действительно может сделать человека зависимым. Но возможен иной смысл: вопрос задаётся изнутри отношения, которое человек считает ценным. Тогда он не перестаёт думать, а перестаёт обращаться с предметом мысли только как с задачей, которую нужно решить и закрыть. Для бхакти это различие существенно. Убедиться в тезисе и посвятить себя божественному — разные события; связь между ними ещё предстоит объяснить.

2. Одно слово, несколько историй

Историк Джон Страттон Хоули в книге *A Storm of Songs* исследует происхождение привычного рассказа о едином «движении бхакти». Университетское описание книги подчёркивает: этот объединяющий рассказ имеет собственную историю и политические обстоятельства, особенно в его оформлении в XX веке. Поэтому нельзя переносить одну позднюю схему на все традиции преданности Южной Азии. Хоули, описание книги в Columbia University Seminars.

Из этого не следует, что преданность выдумали современные историки. Различаются сама религиозная жизнь и способ собрать множество её форм в одну историю. Представим большой семейный альбом. Фотографии реальны, но расположение «от южного начала к северному завершению» уже выражает определённый замысел составителя. Он может выявить связи, а может скрыть самостоятельность отдельных людей. Так и слово «движение» одновременно помогает сравнивать и создаёт ожидание общего маршрута.

Практический смысл этого предостережения прост: у каждого текста следует спрашивать, кому он адресован, кого называет божественным, какую общину предполагает и какое спасение обещает. Любовь к Кришне нельзя автоматически заменить безличным чувством к «вселенной». Отношение к Вишну в определённой богословской системе не совпадает с любой поэтической речью о высшем. Даже одинаковые слова «любовь», «имя» и «предание себя» могут выполнять разные задачи.

Необходимо также различать общую категорию и самостоятельную религиозную традицию. Сопоставление языка преданности с сикхскими практиками допустимо; растворение сикхской традиции в рубрике «ещё одна индуистская бхакти» уже уничтожает её собственную историю и авторитеты. Сравнивать следует отношения и вопросы, сохраняя имена их носителей.

Читатель может возразить: при таком количестве различий исчезает общий предмет статьи. Но общий предмет остаётся достаточно ясным: человек строит жизнь вокруг отношения к божественному и считает это отношение ценным само по себе. Мы можем изучать эту структуру, не объявляя её одинаковой повсюду. Общность здесь открывает вопрос, а ответ принадлежит конкретному тексту или общине. Это делает чтение медленнее, зато позволяет услышать, почему участники разных традиций могли бы не согласиться с нашим удобным обобщением.

3. Дар, который не измеряется ценой

В «Бхагавадгите» IX.26 Кришна принимает даже скромное подношение, принесённое с преданностью; IX.27 расширяет посвящение на действия повседневной жизни. В XII.13–20 преданность соотнесена с качествами человека, включая отсутствие ненависти и сострадание. Это краткий пересказ конкретных мест, а не определение всех форм бхакти. «Бхагавадгита», IX.26–27, XII.13–20.

Смысл скромного дара стоит рассмотреть отдельно. Если ценность отношения зависит от дороговизны подношения, богатство становится условием доступа. Если имеет значение обращённость дарителя, измерительная шкала меняется. Малый дар перестаёт быть уменьшенной копией большого. Он может выражать всё доступное человеку внимание. При этом внимание нельзя подсчитать так же, как монеты, и нельзя надёжно доказать внешним наблюдателю.

Однако внутренний мотив не отменяет качество действия. Условный человек приносит подарок, но сопровождает его унижением того, кто не может ответить равноценным. Его собственное чувство щедрости ещё не делает поступок хорошим. Аналогично посвящение труда божественному не освобождает от вопроса, что именно производится и кому причиняется вред. Само слово «посвящаю» может оказаться удобным прикрытием для действия, которое заслуживает исправления.

Дар также отличается от сделки. В сделке я передаю нечто ради оговорённого результата: заплатил — получил. Дар может включать надежду на ответ, но отношение разрушается, если ответ становится условием всей преданности. Здесь возникает трудный вопрос: способен ли человек обращаться к божественному, когда желаемое не случается? Это не призыв терпеть любое несчастье без помощи. Это проверка того, воспринимает ли он Бога как управляемый источник благ или как адресата, ценность которого превышает конкретную пользу.

Такое понимание делает бхакти требовательнее приятного переживания. Даритель вынужден спрашивать и о себе: почему мне важно, чтобы мой дар заметили? Что я пытаюсь получить — признание, защиту, доказательство собственной правоты? Вопросы не обесценивают религиозный поступок. Они позволяют различить посвящение и торговлю, не предполагая, что человек когда-либо полностью избавится от смешанных мотивов.

Есть и вопрос о том, как человек воспринимает собственную неспособность дарить с «чистым сердцем». Требование полной чистоты может отложить всякий поступок: пока во мне есть желание признания, помощь будто бы недействительна. Но между смешанным мотивом и сознательным обманом есть различие. Условный человек может

увидеть свою потребность в благодарности и всё же не предъявлять её получателю как долг. Признание мотива даёт возможность изменить действие, а не только вынести себе приговор.

С другой стороны, нельзя использовать сложность мотивов как разрешение ничего не уточнять. «У всех есть выгода» не доказывает, что любой способ дарить равноценен. Подарок с условием подчинения и помощь, которую можно свободно принять или отклонить, создают разные отношения. Если говорить о преданности как посвящении, этот вопрос касается и её человеческих форм: оставляет ли мой поступок другому собственный голос? Здесь внутреннее намерение встречает внешнюю границу — последствия для того, кому я помогаю.

4. Преданность, знание и спор о реальности

В толковании Рамануджи бхакти не занимает место утешительного дополнения к настоящему знанию. Она связана с непосредственной осведомлённостью о Брахмане; одного теоретического знакомства с учением недостаточно. Шьям Ранганатан показывает это в разделах о спасении и бхакти, с отсылками к *Vedārthasaṅgraha* §238 и *Śrībhāṣya* I.1.1. Ранганатан, «Rāmānuja», §§4 и 5c.

Почему здесь важна философия? Потому что отношения предполагают участников. Если высшая истина состоит в полном устранении реальной раздельности любящего и любимого, смысл их отношения нуждается в одном объяснении. Если индивидуальность сохраняется и человек реально зависит от высшего целого, объяснение будет иным. Нельзя заранее объявить оба ответа одинаковыми только потому, что в обоих встречается слово «преданность».

Для понимания различия пригодится условная аналогия с музыкой. Можно выучить определения лада, ритма и исполнения. Но знание этих определений ещё не означает, что человек услышал конкретное произведение. Вместе с тем впечатление от музыки не делает теорию бесполезной: теория может помочь услышать то, что раньше оставалось незаметным. В религиозном случае речь идёт о более сильной претензии — о познании божественного; аналогия лишь показывает, почему описание и участие способны отличаться.

Возражение очевидно: сильная вовлечённость может породить желаемое впечатление, а затем принять его за знание. Любящий человек тоже способен идеализировать. Поэтому психологическая интенсивность сама по себе не доказывает истинность религиозного понимания. Для внешнего читателя тезис о бхакти как знании остаётся богословским и философским утверждением, которое требует обсуждения. Для последователя он задаёт

иной вопрос: изменяет ли участие способность видеть предмет, или только усиливает уверенность в уже принятой картине?

Этот спор интереснее простой противоположности «разум или чувства». Познание может включать дисциплину внимания, доверие к учению и изменение отношения к действию. Но каждое из этих условий допускает ошибку. Добросовестное чтение не превращает возможный опыт в доказанный универсальный факт и не сводит его к эмоциональному всплеску. Оно замечает точную претензию традиции: преданность способна быть способом отношения к тому, что считается реальным, а не только состоянием настроения верующего.

5. Личное и непроявленное

В начале XII главы «Бхагавадгиты» Арджуна спрашивает о преданных Кришне и о тех, кто обращён к непроявленному. Ответ различает эти пути, признаёт достижение цели вторыми и говорит о трудности непроявленного для воплощённых существ. XII.9–12 затем предлагает последовательность возможностей: устойчивое сосредоточение, упражнение, действие и отказ от его плодов. «Бхагавадгита», XII.1–12.

Здесь полезно не торопиться с современными ярлыками. «Личное» не обязательно означает увеличенную копию человеческой личности с её обидами и случайными предпочтениями. «Непроявленное» не обязательно означает бессодержательную пустоту или отсутствие божественного. Форма обращения и утверждение о последней реальности — связанные, но разные вопросы. Человек может использовать имя и образ, не считая, что высшее исчерпывается его воображением.

Возникает проблема конкретности. Чтобы обращаться, человеку нужны слова. Но каждое слово ограничивает: отец, владыка, друг, свет. Если буквально перенести на божественное все свойства земного отца или правителя, можно оправдать страх и произвол. Если удалить все определённые слова, обращение рискует потерять адресата. Традиции отвечают на это напряжение по-разному; читателю не нужно разрешать его одной универсальной формулой.

Можно представить человека, который начинает письмо близкому несколько раз. Каждое обращение кажется ему недостаточным, но недостаточность языка не заставляет отказаться от письма. В религиозном отношении подобная осторожность способна удерживать два требования: говорить конкретно и помнить, что сказанное не исчерпывает предмет. Она не означает, что все имена взаимозаменяемы. Выбранное имя связано с определённым повествованием, текстом и общиной.

Последовательность возможностей в XII главе также не следует читать как рейтинг достоинства людей. Она позволяет обсудить разрыв между желанием и способностью.

Человек может не удерживать непрерывное сосредоточение, но быть способным изменить характер труда. Малое посильное действие тогда не просто свидетельствует о неудаче большого. Оно имеет собственный смысл. Наша аналитическая интерпретация этого места такова: преданность проверяется в повторении доступного действия, а не только в ожидании исключительного внутреннего события. Сам текст при этом остаётся религиозным наставлением, а не универсальным психологическим пособием.

6. Посвящение действия и его плоды

Когда человек говорит «это действие я совершаю ради высшего», меняется вопрос о результате. В обычном труде результат нужен: дом должен стоять, еда должна быть пригодна, обещание должно исполниться. Отказ от присвоения плодов нельзя понимать как право не заботиться о качестве. Иначе преданность стала бы оправданием небрежности, а страдать от неё пришлось бы другим.

Рассмотрим условную сцену. Волонтёр готовит еду для общего стола. Он надеется, что его поблагодарят, и одновременно хочет, чтобы люди поели. Когда похвала достаётся другому, обнаруживается, какое желание было главным. Это не делает первого волонтёра плохим человеком и не требует немедленно стать бескорыстным. Однако ситуация показывает различие между полезным делом и необходимостью подтвердить через это дело собственную ценность.

Посвящение может означать: результат не принадлежит мне полностью, даже если я приложил усилие. В нём участвуют другие люди, обстоятельства и то, что я не контролирую. Из этого не следует отказ от ответственности. Напротив, человек отвечает за доступную ему часть, переставая считать весь мир продолжением своей воли. В богословском контексте этот предел определяется отношением к Богу; светский читатель способен понять сам вопрос о границах присвоения, сохраняя своё мировоззрение.

Есть и обратный риск: объявить любой успех даром Бога, а любую ошибку переложить на обстоятельства. Тогда посвящение асимметрично: оно украшает удачу и защищает самолюбие при провале. Более честное рассуждение спрашивает, какие решения были моими, что я знал и что мог исправить. Условный руководитель, назвавший проект служением, всё равно должен выслушать человека, которому задержали оплату.

Действие может становиться посвящением только вместе с определённым отношением к его участникам. Если в центре остаётся исключительно собственное ощущение святости, люди вокруг превращаются в средство духовного самоподтверждения. Тогда бхакти теряет то, что делало её отношением: способность выходить за пределы собственной выгоды. Эта мысль — наша проверка практического смысла посвящения, а

не утверждение, что все общины одинаково определяют труд, обязанность и благодать. Вопрос остаётся конкретным: что изменилось в действии благодаря тому, кому оно посвящено?

7. Песня, которая звучит перед другими

Преданность часто встречает читателя в песне или стихотворении. Это имеет значение для самого понимания. Рассуждение можно остановить и спросить о значении каждого термина. Песня движется во времени; повторение, пауза и голос делают обращение слышимым. Однако музыкальная сила не удостоверяет богословскую истинность. Убедительно прозвучать способен и текст, с которым слушатель не согласен.

Вместо того чтобы назвать всякую песню «выражением одной вечной истины», полезно выяснить, что делает конкретное произведение. Оно хвалит, просит, спорит, жалуется на отсутствие любимого, обращается к общине? Эти действия различны. Благодарность предполагает один характер отношений, тоска — другой. Если вся религиозная речь заранее переведена в спокойное «единство со всем», исчезает возможность услышать боль разлуки и напряжение ожидания.

Условный слушатель понимает язык песни лишь частично. Он чувствует красоту, но не знает, кто говорит и кому. У него есть несколько честных возможностей: оставаться слушателем, прочитать перевод, спросить об обстоятельствах исполнения. Менее честно объявить собственное впечатление полным смыслом чужой традиции. В таком случае он не слышит обращение другого человека, а использует его голос для подтверждения уже привычной картины мира.

Совместное пение ставит ещё один вопрос: как личное отношение становится общим? Один человек обращается к божественному, но его слова подхватывают другие. Это может открывать пространство участия, а может создавать давление: кто не испытывает ожидаемого чувства, кажется недостаточно преданным. Различить эти возможности помогает внимание к свободе участия. Участник может молчать, учиться и задавать вопросы; его отсутствие слёз не свидетельствует об отсутствии достоинства.

Песню также нельзя отделить от того, кто имеет право её исполнять и объяснять. Красивое звучание не отменяет вопросов о языке, доступе и авторитете. Исторический рассказ о бхакти становится содержательнее, когда показывает конкретные связи между голосами, а не перечисляет великих поэтов как взаимозаменяемые иллюстрации. Самостоятельное чтение начинается с небольшого, но существенного шага: признать, что у песни есть собственный адресат и что он может отличаться от нашего.

8. Преданность и власть: трудное возражение

Скептическое возражение звучит серьёзно: преданность приучает человека подчиняться и тем самым облегчает злоупотребление. Особенно опасен переход от Бога к человеческому представителю, который требует безусловного доверия к себе. Богословский смысл служения не доказывает непогрешимости учителя, руководителя или общины. Между этими утверждениями лежит самостоятельный вопрос об авторитете.

Представим ситуацию, в которой участника просят не обсуждать сомнительный поступок наставника, потому что сомнение якобы разрушает любовь. Здесь следует уточнить предмет преданности. Если отношение к божественному подменено защитой репутации конкретного человека, духовная лексика закрывает обычную проверку действий. Мотивы обвинителя могут быть сложными, но это не отменяет необходимости рассмотреть само утверждение и его основания.

Другое возражение касается исключительности: любовь к определённому божественному образу может сопровождаться презрением к другим. Было бы неверно отвечать, что всякая бхакти по определению устраняет такие возможности. Личное отношение способно объединять, но принадлежность к группе сама по себе не гарантирует уважения к постороннему. Поэтому существенны конкретные требования к преданному человеку, а не только горячность его признаний.

При этом нельзя вывести из возможности злоупотребления, что любое обязательство вредно. Верность другу, работе или обещанию тоже ограничивает произвольный выбор. Разница проходит между добровольно признанным смыслом обязательства и запретом рассматривать его границы. Человек может считать служение благом и всё же отказаться участвовать в унижении. Сохранение достоинства других не становится препятствием для любви лишь потому, что кто-то объявил обратное.

Бхакти ставит особенную версию этого вопроса: как отказаться от исключительной занятости собой, не отдавая другому человеку право распоряжаться всей своей жизнью? Простой ответ «никому не доверять» уничтожает отношения, а ответ «доверять полностью» снимает ответственность за различение. Между ними остаётся труд рассуждения. Для читателя это повод внимательно изучать не только обещание духовного результата, но и правила обращения с несогласием. Религиозную любовь следует обсуждать достаточно серьёзно, чтобы не освобождать её человеческие формы от вопросов о последствиях.

9. Что это значит на практике

Если читателю близок религиозный язык, он может добровольно рассмотреть одно обычное действие как посвящение. Не нужно начинать с обещания изменить всю жизнь. Можно выбрать заботу о близком, приготовление еды или выполнение уже принятой обязанности и спросить: чему я служу здесь и как это заметно другому человеку? Ответ стоит проверять по действию, а не по возвышенности формулировки.

Затем полезно разделить качество дела и ожидание признания. Если действие выполнено хорошо, но благодарности нет, что именно вызывает обиду? Возможны разные ответы: потребность в справедливом распределении труда, усталость, желание быть замеченным. Они не равнозначны. Сказать «я не должен хотеть плодов» недостаточно: иногда речь идёт о нарушенном договоре, который нужно обсудить, а иногда — о попытке купить восхищение подарком.

Читателю, не разделяющему веру, не требуется называть такое наблюдение бхакти. Он может сохранить иной язык и рассмотреть вопрос, который встречает в тексте: способен ли я считать нечто ценным сверх его полезности для меня? Это философская встреча с традицией, а не скрытое религиозное посвящение. Различие позволяет учиться без присвоения чужой идентичности.

Для чтения первоисточника можно взять XII.1–12 «Бхагавадгиты» и сопоставить две вещи: вопрос Арджуны и последовательность ответов. Где текст различает пути? Где учитывает трудность воплощённого существования? Где переходит от состояния внимания к действию? Читатель вправе не согласиться с исходными предпосылками. Задача состоит в том, чтобы сперва увидеть предложенный аргумент достаточно точно.

Наконец, при знакомстве с песней стоит записать имя автора, название, переводчика и конкретный адресат обращения. Если эти сведения неизвестны, лучше признать предел понимания. Понравившаяся строка может стать приглашением к дальнейшему чтению, но не доказательством, что «все религии говорят одно». Несколько минут такого внимания иногда дают больше, чем широкий список универсальных афоризмов: перед нами появляется отдельный голос, которому не приходится соглашаться с нашим толкованием.

Ни одно из этих предложений не обещает обязательного переживания. Их можно отложить. Преданность, которую заставляют немедленно почувствовать, уже плохо согласуется с честностью личного обращения.

10. Отношение, которое нельзя завершить определением

Бхакти открывает вопрос о ценности отношения. Если божественное существует только как полезное объяснение неизвестного, после получения объяснения потребность в нём может исчезнуть. Если оно понимается как адресат любви и посвящения, отношение не заканчивается на решении отдельной задачи. Здесь и возникает сила бхакти: человек связывает смысл жизни с тем, что считает достойным любви независимо от немедленной выгоды.

Но эта сила не снимает философских трудностей. Нужно ещё понять, кто любит, к кому обращается, что означает благодать, сохраняется ли индивидуальность и как распознаётся истина. Разные учения отвечают по-разному. Одно слово «любовь» не делает их ответы одинаковыми и не позволяет заменить трудное чтение приятным согласием.

Вернёмся к условному человеку после трудного разговора. Его обращение может ничего не изменить в обстоятельствах сегодняшнего вечера. Оно может, однако, поставить перед ним более точный вопрос: считает ли он другого участника разговора только препятствием для собственного желания? Если завтра он слушает внимательнее, исправляет несправедливое слово и сохраняет необходимую границу, возникает действие, которое можно рассмотреть. Если же обращение лишь подтверждает его превосходство, вопрос остаётся открытым.

Такой критерий не заменяет веру оценкой бытовой полезности. Он напоминает о месте, где религиозное отношение входит в человеческую жизнь и становится ответственным перед другими. Богословская претензия остаётся шире этого критерия; человек не сводится к перечню полезных дел. Однако именно здесь читатель может увидеть разницу между утверждением преданности и её возможным осуществлением.

Статью можно закончить без общего примирения всех традиций. Достаточно сохранить различие между мыслью о божественном и обращением к нему, между даром и сделкой, между посвящением и отказом от ответственности. Бхакти позволяет спрашивать, как любовь меняет способ знать и действовать. Окончательный ответ не обязан быть одинаковым у верующего и внешнего читателя. Внимательная встреча возможна и тогда, когда различие остаётся.

Использованные источники

1. «Бхагавадгита», IX.26–27; XII.1–20. Английский перевод Kashinath Trimbak Telang, *The Bhagavadgītā*, Sacred Books of the East, vol.8, 1882. Глава IX, глава XII. В статье — собственные краткие парафразы; перевод не воспроизводится.

2. Shyam Ranganathan. Rāmānuja, Internet Encyclopedia of Philosophy, §§4 и 5c; первичные локаторы, обсуждаемые автором: *Vedārthasaṅgraha* §238, *Śrībhāṣya* I.1.1.

3. John Stratton Hawley. *A Storm of Songs: India and the Idea of the Bhakti Movement*. Harvard University Press, 2015. Прочитано университетское описание книги, а не полный текст книги.

Теги: бхакти, Бхагавадгита, преданность, религиозная любовь, Рамануджа.